

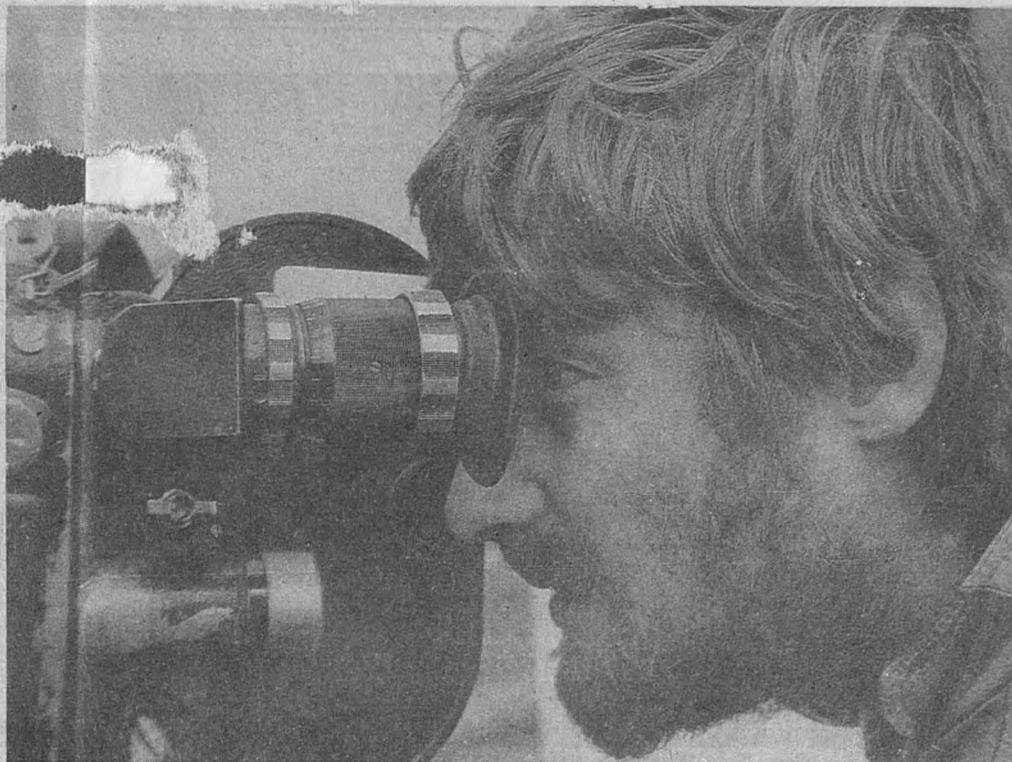
В прошлом году кинорежиссер Алексей Баранов вернулся с фестиваля неигрового кино. Его фильм «Безымянка» не получил официальных призов, но были приз зрительских симпатий и хорошая критика.

Вернулся задумчивый. Сказал, что Самара, похоже, чуть ли не последний оплот структурализма в кино. И что Москва, Питер, Екатеринбург ищут уже в другом направлении. «В каком?» — «В направлении «Марианны»». — «Но это естественно: мелодрама — массовый жанр». — «Нет, тут дело не в жанре...», — ответил кинорежиссер Алексей Баранов и показал свой новый фильм «Хрустальный город». Очень короткий — миниатюра. Черно-белые кадры хроники — фотোগрафическая жизнь, а по киноплёнке, по целлулоидному колпаку — чья-то кисть кладет цветные мазки. «Чья?», — спросила. Не дождавшись ответа, начала фантазировать сама: «Раскраска, контур, черно-белое, поэтому и притягивает детскую руку приложиться? Жизнь, раскрашенная неумелой рукой. И вместо многоцветья, переходов, полтонов, внутреннего света — небрежные мазки? А почему «Хрустальный город»? — «А Бог его знает...».

Потом сидели, говорили в скверике, подставив лица лучам негреющего осеннего солнца.

«Тебе не кажется, что структурализм — сам — продукт тоталитарного сознания и одновременно его подпитка?» — «Для тебя что, «структурализм» уже стал ругательным словом?» — «Нет, но...» — «Наверное, им надо переболеть... Нет, это не детская болезнь, это скорее проблемы роста, пропорций. То, что у младенца голова большая — нормально, а представь взрослого с такой большой головой — урод». — «Да, ты помнишь толстовское дерево? Уж куда полисемичнее и культурологичнее, однако не собрались под знамена, не важно какого цвета, последователи Великой Идеи Распустившегося Дуба. А вот социальные идеи и религиозные проповеди графа Толстого сделали его яснополяским вождем, властителем умов». — «Да, Лев Толстой и землю пахал, и босиком ходил, и от церкви его отлучили — какая реклама! За такую рекламу сейчас большие деньги платят в шоу-бизнесе». — «Ты не прав, Толстой — человек XIX века, для него все это: труд, совесть, вера, народ, Россия — не было игрой в бирюльки...».

Мы простились тогда на углу всех улиц... Этот разговор остался только в моих черновиках... Но вот — пригодился. Как эпиграф к сегодняшнему интервью.

— И мы опять приходим к бинарности: церковь — миф.

— Бог все это объединяет, с одной стороны. С другой — противостоит. И церкви противостоит, ведь это же фарисеи его убили.

— Но это конфликт изначальный. Бог есть любовь. А любовь что есть! Приятие, да! Если любовь, то не гони с грязными сапогами из храма. Не гони, потому что он пришел все-таки, этот человек. И ты его любишь, и ты его принимаешь.

— Близость, слово «любовь» слишком объемное, вовсе не значит, что любящий подчиняется целиком всему в любимом. Почему я должен любить болезнь? Я не люблю болезнь, я люблю человека, его душу, а болезнь я не люблю. И тогда, когда в этом человеке говорит его болезнь, бес — на религиозном языке, почему я должен в этот момент любить беса, который захватил человека? Иисус изгонял бесов... Когда вваливается пьяная физиономия — вот я, я пришел Богу помолиться. Это что, это говорит душа, что ли? Другое дело, что с водой легко ребенка выплеснуть, но это зависит от самого священника. Не стоит, наверное, осуждать ни человека, ни церковь, а понять надо.

— Фильм закончен!

— Да. Будет показан и по Самарскому телевидению, и по «Останкино». Он снимался по заказу «Союзтелефильма», церковь не финансировалась, светский фильм на церковную тему. Сценарий мой, оператор Саша Сафонов. Это его дипломная работа, он заканчивает ВГИК «Безымянку» мы с ним тоже вместе снимали.

Беседовала
Ирина ЛУКЬЯНОВА.

Хрустальный город

— Я часто слышу, что кино, во всяком случае игровое, переживает кризис...

— Я-то занимаюсь неигровым кино, а оно, мне кажется, наоборот... Игровое кино сейчас вовсе использует постмодернистский ход. Можно назвать его структурным — это работа с устойчивыми образами, штампами восприятия. А неигровое, напротив, отходит от публицистики, и начинается собственно высказывание. Не оппозиционное к какому-либо событию, а идущее изнутри, более искреннее что ли. Как у дзэнбуддистских монахов: один кричит («а»), другой ему должен сразу ответить. Если ответ идет с каким-то опозданием, считается, что он идет не изнутри, а только потому, что надо ответить. А просветленный монах отвечает сразу. И не обязательно адекватно. Может — на другом уровне... Постмодернистский ход связан, по моему, как раз с тем, что идет разговор тусовочный. Вопрос — ответ строится в контексте культурной заданности достаточно узкого слоя. То есть постмодернизм — это такая большая тусовка мирового масштаба. А неигровое кино из тусовки уже выходит.

— А входит куда? Ты говори все-таки про себя.

— Ну конечно, мне не стоит так уж обобщать. Я сейчас меньше рефлексирую и ищу свое место. Раньше для меня это было важно — кто я, что такое город, что такое провинция. Место, допустим, Самары в культуре России. Это может быть высокопарно звучит, но это было так. А сейчас для ме-

ня это ушло на второй план. Вместо того чтобы думать, кто ты, лучше иметь отношения с миром, реальностью непосредственные. И тогда неизвестно, откуда берутся ответ или вопрос...

— Тогда жизнь оказывается более творцом, нежели тот, кто мнит себя творцом?

— Да.

— И ты уже видишь тот план, который более реален, чем твои представления о реальности. И более художествен при этом.

— Да. И при этом не все гладко, появляются сложности, вопросы.

— Какие!

— Я лучше не буду об этом говорить. Мне, чтобы сказать что-то на эту тему, нужно несколько месяцев думать, потом начать снимать, потом склеивать как-то пленку, чтобы получилось какое-то более-менее ясное высказывание. Если бы можно было словом ответить, это было бы прекрасно — не нужно было бы таких смет, поездок...

— Но что-то у тебя уже появилось, что могло бы стать ответом на вопросы!

— Фильм «Венчание». Это как раз попытка сделать «Марианну» — что-то ясное, простое и жизненное. Создать жизнь, которая включает в себя быт, потому что в бытовых вещах тоже все есть. И так главный герой не сельский священник протоиерей Иоанн, а Нина, которая живет при церкви, то, как она там печет просфоры, — это важно. Это быт, но самим обрядом задается символический смысл выпекания

хлеба женщиной. В службе, в церкви нет ничего случайного. Нина живет в гармонии между вещами и тем, что они могут собой символизировать, для нее мир один. Выпекание хлеба — одухотворенное действие. Нина и человек, и священнослужитель, и красивая женщина.

— Это идиллическая картина!

— Нет, там есть противоположности. Но не две, как обычно бывает, а три: Церковь, Бог, Мир. А три уже выходят из оппозиционности. Венчание двух: Иисуса и церкви, церкви и священнослужителя, мирских людей и обряда, мужчины и женщины — как любовное соединение для благословенного воспитания детей, соединение для будущего. И фильм об этом.

— Помнишь, ты говорил, что, снимая этот фильм, испытывал какое-то внутреннее сопротивление. И я тебе говорила, что когда-то так и смогла написать материал о протоиерее Иоанне. Оттого, что при всем ощущении того, о чем ты говоришь — благостного соединения, гармонии, был какой-то диссонанс, не пускавший меня в эту благость. Может быть, он был во мне! А может, в реальности!

— То, что не пускало, — это наша церковь, наше православие. Я не знаю, чем оно там заряжено, может, так и должно быть... Я не знаю, может, я — бес, и с этой точки зрения получаешь все правильно...

— Знаешь, я с самыми разнообразными людьми, начиная от священнослужителей и кончая психотерапевтами, говорила о том, что называю дисгармони-

ей, разрушительным, деструктивным. Ну что, к примеру. Ницше говорил: новая ступень нравственности, свободы, осваиваемая человеком, обязательно воспринимается сумасшествием, а может быть, и является таковым. Потому что действительно «съезжает крышу», когда для тебя этот уровень свободы существует, а для всех, кто тебя окружает, его нет. И ты оказываешься один в безвоздушном пространстве.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, но я все это в других словах выражаю. Миф, который позволял нам раскладывать реальность по полочкам, разрушен. И хочешь — не хочешь, ты начинаешь воспринимать больше из того, что раньше было закрыто от тебя этим мифом. Но, с другой стороны, тебе открывается такая бездна... Я не думаю, что это безвоздушное пространство.

— Если космос — это безвоздушное пространство, то, о чем я говорю, — просто выход за оболочку мифа, которым мы дышим. Ты сорви с Земли воздушную оболочку, и на тебя хлынет все то, что действительно есть вокруг тебя. Но вопрос в том, сможешь ли ты выдержать!

— Да, то есть ты испытываешь дискомфорт не оттого, что чего-то нет, а оттого, что есть очень много всего, с чем тебе трудно сосуществовать. Когда ты этого не видишь, все нормально: вот стул, вот стол, здесь вот коридор. Ты идешь по коридору, а оказывается, что это и не коридор вовсе. И идешь ты совсем непонятно

куда, ты заблудился, хотя мог и не заблудиться. Вдруг прошло так много времени, а ты просидел на стуле и забыл об этом. Это на бытовом уровне... А где-то ведь ты был, пока тикали часы. И когда ты вдруг начинаешь это видеть, а если миф разрушен, то ты это видишь, становится непонятно, где же ты собственно живешь. И вообще, что первично, что вторично, и как в этом существовать. В этом смысле религия помогает человеку. Она говорит: это все есть. Есть черти, есть бесы, есть искушения, и с этим надо поступать так и так. Есть ритуал, который соединяет тебя с людьми, с обществом. Я пока снимал фильм, вышел из противоречия. Отец Иоанн выгоняет пьяных из церкви и очень не любит, когда туда в грязных сапогах заходят. Некоторые его считают слишком крутым, потому что он отваживает иных людей от церкви. Но, с другой стороны, если представить мир, который живет рядом с церковью — пьянство, беспорядок, грязь по уши. Если бы он не был столь жестким, то в этой деревне че было бы такого чистого места. Единственного.

— Но он сохраняет это место чистым, и в результате оно безлюдно!

— Оно открыто.

— Но оно безлюдно!

— Ну не совсем безлюдно. Для церкви это неважно, главное, чтобы оно было. Чтобы ты знал, что в этом мире есть такое место где не прокурено, не изгажено и ты можешь туда прийти. И это очень важно.